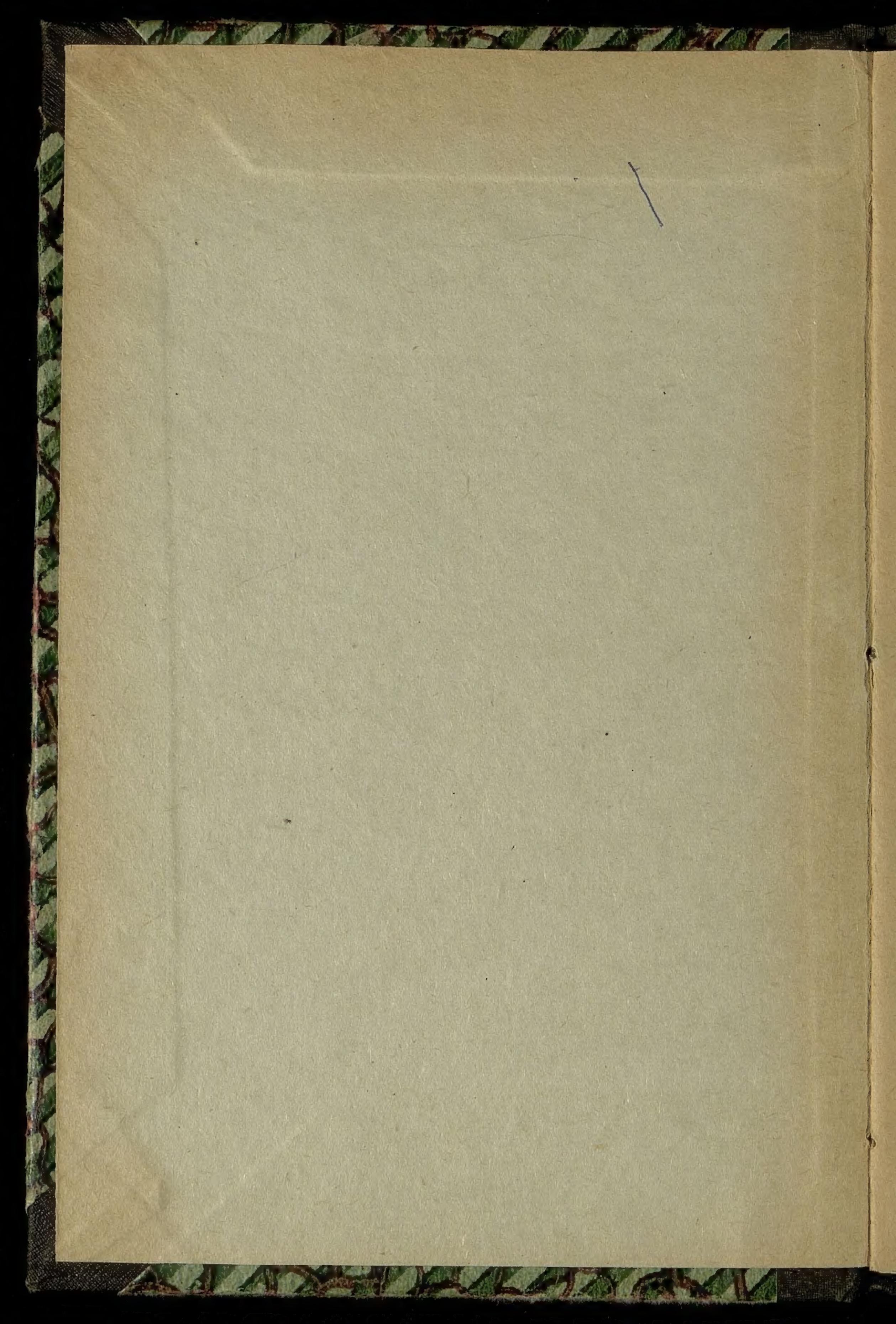
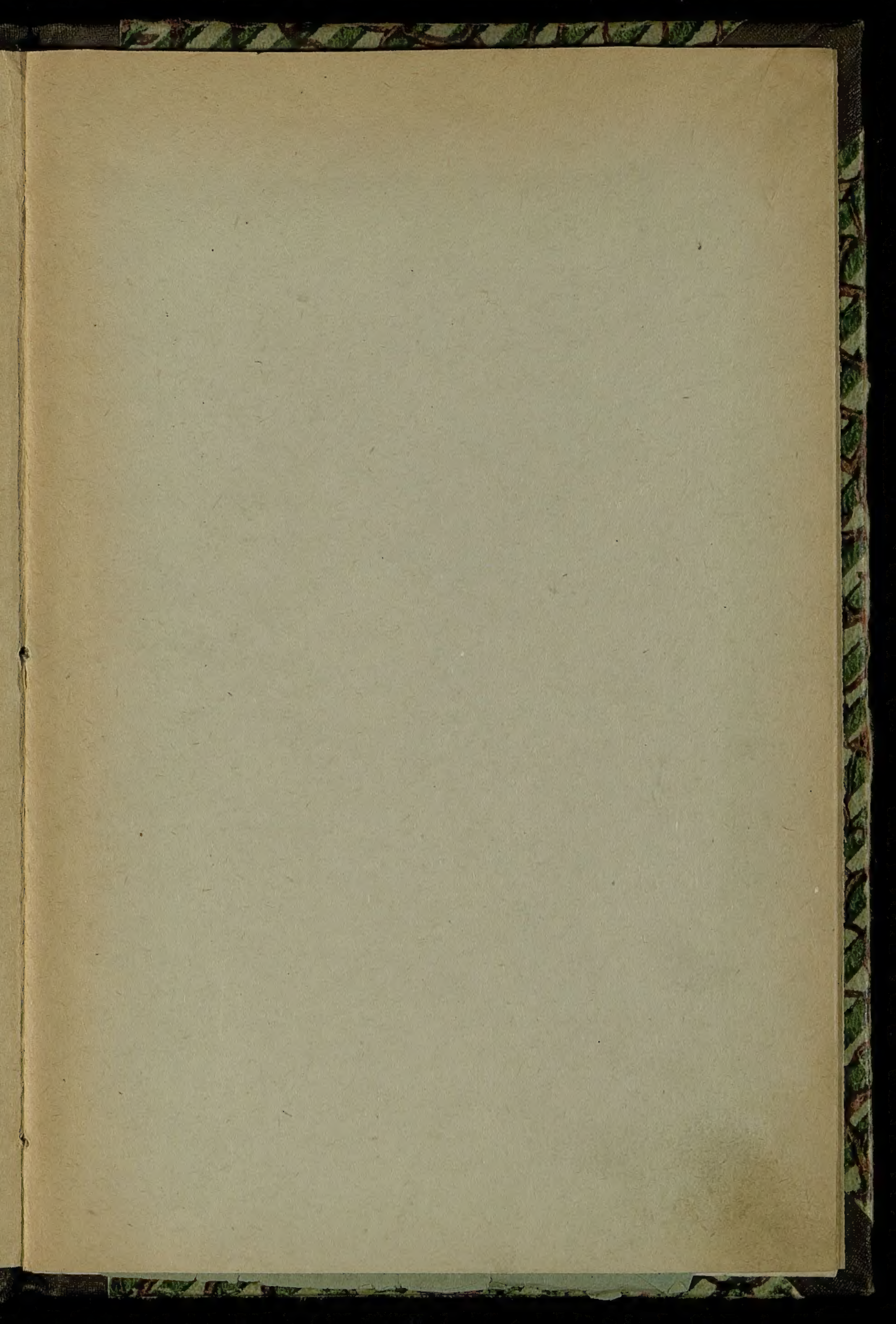

77a 6/26

Порван тит. лист!
21.07.02 [illegible]

Цѣна 5 коп.

От㆑ „Союза 17 Октября“.

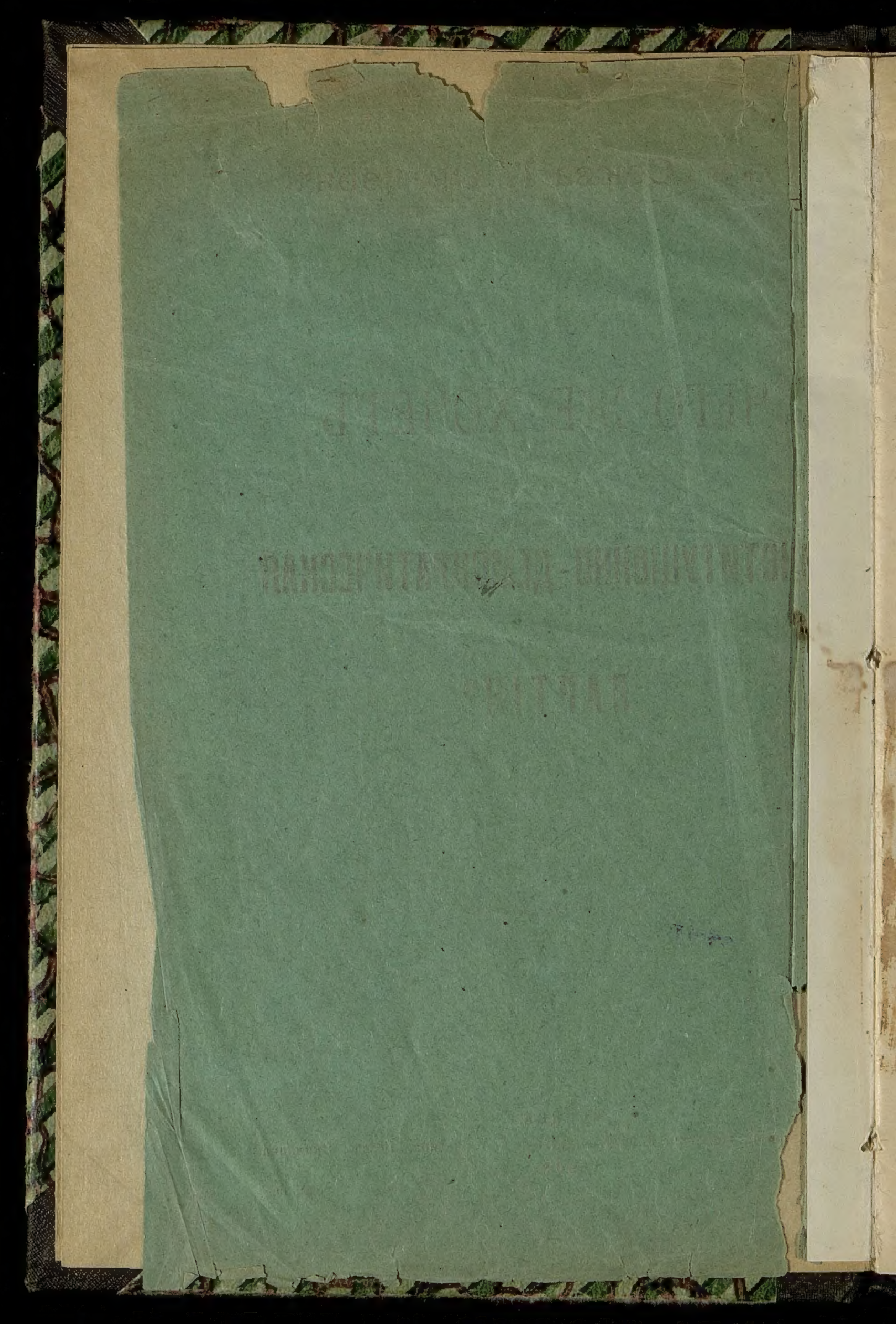
ЧЕГО ЖЕ ХОЧЕТЪ

КОНСТИТУЦІОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ

ПАРТІЯ?

МОСКВА.
Типо-Литографія Торговаго Дома Е. Кудинова и А. Лезина, Больш. Якиманка.
1906.
№ 19.

1

Чего же хочетъ конституціонно-демократическая партія?

Кто не знаетъ конституціонно-демократической партіи? Или вѣрнѣе, кто же ее знаетъ? Она сама себя еще не вполнѣ познала, по крайней мѣрѣ, по заявленію одного изъ ея главныхъ вожаковъ — „каждый представляетъ ея физіономію по своему" и „если мы своевременно не наложимъ на это нѣсколько расплывшееся изображеніе своего штемпеля, мы рискуемъ совершенно разрушить уже намѣтившіяся очертанія партіи".

„Дѣятельность партіи", сказано въ другомъ мѣстѣ, „уже вовлекла въ движенье элементы, самымъ разнообразнымъ образомъ настроенные"; „о какой либо *одной* политической или экономической доктринѣ, *одномъ* соціальномъ строѣ не можетъ быть рѣчи при характеристикѣ партіи".

Но если, какъ изъ этого видно, изображеніе партіи передъ нами расплывается, то штемпель, который предполагается на нее наложить, не подверженъ никакому сомнѣнію. Онъ неоднократно предъявлялся публикѣ на съѣздахъ и въ печати. Какъ сказано въ той же брошюрѣ, откуда взяты приведенныя слова (К. Д. партія. Съѣздъ 12—18 окт.), онъ былъ сфабрикованъ на одномъ съѣздѣ, около двухъ лѣтъ тому назадъ, кружкомъ людей, „которыхъ связывало общее отрицаніе". Эта была первая попытка претворить интеллигентскіе идеалы въ осуществимыя практическія требованія и взять изъ *литературныхъ декларацій* (мы подчеркиваемъ это слово) все, „что можетъ быть введено въ политическую программу". Немудрено поэтому, что „эта программа является несомнѣнно наиболѣе *лѣвой* изъ всѣхъ, какія предъявляются аналогическими политическими группами Западной Европы".

Это признаніе чрезвычайно важно! Итакъ, Россія, которая по своему политическому развитію далеко отстала отъ Европы, которая подверглась нашествію азіатскихъ кочевниковъ въ то время, когда на Западѣ было положено начало конституціоннымъ учрежденіямъ. Россія должна быть облагодѣтельствована при введеніи въ ней конституціи, *такою* конституціей, какой не было и въ Европѣ по степени ея радикализма! Это показываетъ, *какъ* и *кѣмъ*

составлена эта конституція. Это дѣло людей, которые вдали отъ жизни черпали изъ книгъ и изъ *литературныхъ декларацій* свою политическую программу и потому были склонны преувеличивать значеніе отвлеченныхъ доктринъ и шаблонныхъ фразъ европейскаго радикализма—и если къ этому присоединялось чувство личной горечи отъ пережитыхъ стѣсненій, то эта *кабинетная* конституція отъ этого не могла сдѣлаться ни дальновиднѣе, ни мудрѣе.

Разсмотримъ же это послѣднее слово радикальной доктрины.

Наиболѣе важнымъ пунктомъ всякой политической программы нужно считать тотъ, которымъ опредѣляется образъ правленія государства, носителя Верховной власти. Въ программѣ, выработанной учредительнымъ съѣздомъ конституціонно-демократической партіи 12—17 октября 1905 г., этотъ важнѣйшій пунктъ пропущенъ: для него оставлено бѣлое мѣсто. Мы читаемъ: „конституціонное устройство Россійскаго государства опредѣляется основнымъ закономъ“. Значитъ неизвѣстному будущему предоставлялось рѣшить вопросъ объ образѣ правленія въ Россіи. Только косвеннымъ путемъ можно было догадаться, что предполагалось допустить какую-то власть помимо Государственной Думы. Въ § 15 сказано, что народное представительство участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти и т. д.—*участіе* предполагаетъ существованіе еще другой власти. Въ § 16 сказано: „Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ, отъ кого бы онъ ни исходилъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, не можетъ имѣть силы закона“. Отсюда можно было заключить, что въ государствѣ предполагалось что-то, откуда могли, но не должны были исходить указы, приказы и т. д. Но это, что-то безыменное, было обречено на полную безпомощность, такъ какъ налоги, пошлины и т. п. должны установляться не болѣе, какъ на одинъ годъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ одинъ прекрасный годъ Россійское государство могло бы оказаться вполнѣ разоруженнымъ. Только въ послѣднюю минуту, на дняхъ, на новомъ съѣздѣ послѣ продолжительныхъ преній, во время которыхъ говорилось и о республикѣ, было рѣшено наполнить бѣлое мѣсто выраженіемъ, что „Россійское Государство есть конституціонная и парламентарская монархія“. Причемъ было однако пояснено, что принципъ конституціонной монархіи „есть только средство, а не цѣль“.

Нѣсколько яснѣе опредѣлялась эта анонимная власть, которую предполагается сохранить на ряду съ Государственной Думой въ избирательномъ манифестѣ партіи: „Чего хочетъ конституціонно-

демократическая партія?“ Тамъ сказано: „Но если мы хотимъ, чтобы самъ народъ управлялъ черезъ своихъ представителей дѣлами государства, то почему же мы хотимъ все-таки монархіи, а не республики, какъ хотятъ нѣкоторыя другія партіи? Да просто потому, что крестьяне и вообще большинство привыкло имѣть Царя и не понимаетъ, какъ это можетъ быть государство безъ Царя и безъ царской власти“. Но нужно думать, что тѣ, кто не понимаетъ, какъ можетъ быть русское государство безъ Царя и безъ царской власти, спросятъ, гдѣ же въ конституціи конституціонно-демократической партіи царская власть?

Но еще лучше чѣмъ изъ политической программы познается конституціонно-демократическая партія изъ намѣченной ею ближайшей цѣли и изъ ея политической тактики. Можно было бы думать, что ближайшей цѣлью конституціонно-демократической партіи является избраніе членовъ въ Государственную Думу! Совсѣмъ нѣтъ; предстоящіе выборы и сама Дума лишь средство для того, чтобы произвести съ помощью Думы полный переворотъ, другими словами — добиться созванія *учредительнаго собранія*, которое и должно будетъ измѣнить образъ правленія въ Россіи, установленный манифестомъ 17 октября. Объ этой своей цѣли Съѣздъ конституціонно-демократической партіи объявилъ въ своемъ постановленіи 14 окт., во время забастовокъ въ Петербургѣ, слѣдующими словами: „Требованія забастовщиковъ, какъ они формулированы ими самими, сводятся главнымъ образомъ къ немедленному введенію основныхъ свободъ и свободному избранію народныхъ представителей въ Учредительное Собраніе“... Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти цѣли—общія у нихъ съ соціалъ-демократической партіей. На этой же точкѣ зрѣнія осталась конституціонно-демократическая партія,—что свидѣтельствуетъ о ея теоретическомъ фанатизмѣ,—и послѣ манифеста 17 октября. На другой день послѣ этого манифеста Съѣздъ постановилъ: „задачей конституціонно-демократической партіи остается достиженіе постановленной выше цѣли,—учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія... причемъ Государственная Дума можетъ служить для партіи лишь однимъ изъ средствъ на пути къ осуществленію той же цѣли съ сохраненіемъ постоянной и тѣсной связи съ общимъ ходомъ освободительнаго движенія внѣ Думы“.

Такой же двусмысленностью какъ конституціонная тактика конституціонно-демократической партіи отличается и демократиче-

ская ея тактика. Нуждаясь въ голосахъ крестьянъ и рабочихъ, конституціонно-демократическая партія, несмотря на существенное разногласіе съ ними въ вопросѣ о Верховной власти, старается задобрить ихъ и говорить ихъ языкомъ. Какъ всѣ подобныя попытки искусственно подладиться подъ языкъ народа и эта попытка должна была оказаться неудачной. Подлаживаніе подъ народъ проявлялось не только въ общемъ тонѣ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, неупотребительныхъ ни въ народномъ, ни въ литературномъ языкѣ, но и по существу—въ возвращеніи къ архаическимъ политическимъ воззрѣніямъ. Въ „воззваніи", напр., сказано послѣ разъясненія, что народъ „обѣднѣлъ отъ чиновниковъ": „чтобы правительство въ самомъ дѣлѣ заботилось о народныхъ нуждахъ, надо, *чтобы народъ самъ черезъ своихъ выборныхъ заявлялъ Царю о своихъ нуждахъ*". (Подчеркнутыя слова напечатаны крупнымъ шрифтомъ). Какъ же это вяжется съ учредительнымъ собраніемъ, которое намѣрено присвоить себѣ Верховную власть?

Заискиваніе конституціонно-демократической партіи у народа этимъ не ограничивается, но проявляется въ цѣломъ рядѣ обѣщаній, которыя должны вводить въ заблужденіе избирателей. Конституціонно-демократическая партія отмежёвывается и направо и налѣво: „Между нами и нашими — мы хотѣли бы сказать не противниками, а союзниками слѣва также существуетъ извѣстная грань". Въ „воззваніи" эта грань проведена довольно ясно: „Сразу сдѣлать такъ, чтобы въ странѣ не стало бѣдныхъ, чтобы на Руси воцарился земной рай — нельзя. Есть у насъ теперь люди, которые этого не понимаютъ. Говорятъ они, чтобы податей просто не платить, чтобы помѣщиковъ не было, а землю ихъ сейчасъ же отобрать и раздѣлить поровну между крестьянами, чтобы фабрики принадлежали рабочему народу и чтобы онъ ими *правилъ* самъ черезъ своихъ выборныхъ. Казалось бы, чего уже лучше для бѣднаго люда, а на самомъ дѣлѣ вотъ что выйдетъ". Затѣмъ выясняются очень вѣрно, но не убѣдительно для тѣхъ, для кого назначена эта мораль, послѣдствія такого насилія. А затѣмъ „воззваніе" все-таки начинаетъ расписывать избирателямъ готовящійся для нихъ земной рай. Обѣщается отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ на предметы, „нужные трудящемуся народу"—въ ихъ числѣ упоминается и *вино*... А въ замѣнъ ихъ будетъ введенъ подоходный прогрессивный налогъ, значеніе котораго объясняется слѣдующимъ примѣромъ: „у кого 5 десятинъ земли, тотъ платилъ бы по рублю, а у кого тысяча по *десяти*

рублей съ десятины" (т.-е. десять тысячъ рублей)! Фабричныхъ утѣшаютъ, что „сразу завести восьмичасовой рабочій день нельзя, но годъ за годомъ то въ одномъ производствѣ, то въ другомъ, гдѣ только будетъ можно, мы будемъ сокращать рабочіе часы и вводить восьми-часовой день вездѣ, гдѣ можно безъ подрыва самого производства". Рабочимъ обѣщано государственное страхованіе на счетъ казны и фабрикантовъ, но не упомянуто объ участіи съ ихъ стороны во взносахъ, хотя извѣстно, что болѣе богатая Германская Имперія теперь едва справляется со взятымъ на себя обязательствомъ, несмотря на участіе самихъ рабочихъ въ расходахъ.

Хотя партія называетъ себя *демократической* и выставляетъ своей цѣлью, „чтобы самъ народъ, черезъ своихъ выборныхъ, *управлялъ* всѣми *дѣлами въ государствѣ,* чтобы самъ народъ черезъ выборныхъ писалъ законы и устанавливалъ порядки",— это *народовластіе мнимое.* Какъ многія другія демократическія партіи въ исторіи, такъ и конституціонно-демократическая партія *сама* стремится къ власти во имя народа, - къ власти *надъ народомъ.* Все государство должно быть покрыто сѣтью комитетовъ, получающихъ свои указанія изъ центральнаго комитета, и этотъ центральный комитетъ долженъ указать народу его выборныхъ, т.-е. тѣхъ людей, которые будутъ имъ управлять. Послѣднее слово въ „воззваніи" гласитъ: „А когда придетъ время выбирать народныхъ представителей, надо дѣлать такъ, какъ укажетъ комитетъ партіи, потому что, если дѣйствовать вразбродъ, выбирать кому кто приглянется, такъ никто не попадетъ въ Думу изъ тѣхъ, кому надо попасть для пользы народа". — Что же это, какъ не признаніе того, что народъ долженъ оставаться безгласнымъ при новомъ демократическомъ порядкѣ? – Одинъ изъ праотцевъ либерализма говорилъ, что если народъ и не можетъ управлять государствомъ, то отлично умѣетъ выбирать людей, годныхъ для этого. Конституціонно-демократическая партія отрицаетъ эту способность за русскимъ народомъ. Народъ долженъ только перемѣнить „начальство", противъ котораго ратуетъ конституціонно-демократическая партія. Вмѣсто земскихъ начальниковъ надъ народомъ провозглашается опека *кометаджіевъ.*

И хуже всего то, что этой опекѣ подчиняется народъ не только на время выборовъ, но навсегда. Предполагается добиться созванія Учредительнаго Собранія; предполагается предоставить слѣдующимъ за нимъ собраніямъ совокупность законодательной и исполнительной власти посредствомъ отвѣтственности министровъ.

Но этимъ призваніе конституціонно-демократической партіи не исчерпывается: она остается во всеоружіи своей организаціи. Предполагается сохранить органы партіи „общіе и мѣстные съѣзды, центральный и губернскій комитеты“. Общіе съѣзды партіи созываются не менѣе одного раза въ годъ центральнымъ комитетомъ. Общіе съѣзды рѣшаютъ вопросы, касающіеся дополненія и развитія программы и организаціи партіи, опредѣляютъ тактику, производятъ выборы центральнаго комитета, утверждаютъ отчетъ его, смѣту доходовъ и расходовъ и разрѣшаютъ всякаго рода вопросы, касающіеся партіи и ея органовъ. Губернскимъ комитетамъ предоставляется организовать вспомогательные и другіе порайонные комитеты и устанавливать свои взаимоотношенія.

Пуще же всего вызываетъ недоумѣніе роль центральнаго комитета. Ему принадлежитъ общее руководство дѣятельностью партіи, опубликованіе всякаго рода актовъ отъ имени всей партіи, распоряженія по періодическимъ изданіямъ партіи и т. д.

Для чего же вся эта широко раскинувшаяся, тѣсно сплоченная и сильно централизованная организація, какъ не для того, чтобы господствовать надъ народомъ и надъ народнымъ представительствомъ? — Въ „воззваніи“ конституціонно-демократической партіи указано на необходимость, чтобы члены Думы „были въ отвѣтѣ передъ избирателями за то, что они сдѣлаютъ въ Думѣ“.— Но такъ какъ члены Думы будутъ указаны избирателямъ комитетами, то, очевидно, они будутъ отвѣтственны передъ этими комитетами. Это худшая изъ формъ правленія. Это уже не республиканское правленіе, это даже не правленіе конвента, а правленіе самопроизвольно возникшей афиляціи политическихъ клубовъ.

Развѣ это свобода?—Развѣ *такая* свобода, выкупая жертвы, которыя уже принесла Россія, и тѣ еще большія жертвы, которыя ей пришлось бы принести для осуществленія плановъ конституціонно-демократической партіи? — Политическія утопіи могутъ оказать пользу тѣмъ, что лучше оттѣняютъ дѣйствительность, какъ въ ея недостаткахъ, такъ и въ ея жизненныхъ условіяхъ. Утопія конституціонно-демократической партіи въ двухъ существенныхъ пунктахъ подрываетъ жизненныя условія Россіи. Эта партія желаетъ, чтобы провозглашенный въ Россіи конституціонный порядокъ обратился въ господство одной партіи надъ государствомъ и государемъ, и, конечно, въ господство ея собственной партіи. Но управленіе страной господствующей партіей возможно только тамъ, гдѣ партіи стоятъ на почвѣ законнаго по-

рядка, какъ въ Англіи, гдѣ происходитъ смѣна двухъ партій у власти, смотря по тому, на чью сторону склоняется большинство избирателей по соображеніямъ таможенной, или иностранной и т. д. политики. Но тамъ, гдѣ ни одна партія не можетъ считаться господствующей, какъ въ Германіи, или тамъ, гдѣ большинство организовавшихся партій относится отрицательно къ новому конституціонному порядку, какъ въ Россіи,—тамъ правительство не должно быть орудіемъ партіи, тамъ оно должно стоять выше партій. Въ виду этого нужно сохранить въ Россіи монархію,—не потому только, какъ думаютъ конституціоналисты-демократы, что крестьяне еще не понимаютъ государства безъ царской власти, а потому, что высокое призваніе монархіи заключается именно въ томъ, что она должна стоять выше интересовъ и увлеченій партій и руководствоваться болѣе объективно благомъ страны. Въ этомъ смыслѣ монархія можетъ служить въ конституціонномъ государствѣ лучшей гарантіей противъ захвата, необходимымъ условіемъ *свободы*.

Другой пунктъ, гдѣ конституціонно-демократическая партія идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительными потребностями и жизненными условіями Россіи,—это ея стремленіе навязать Россіи, во что-бы то ни стало, *Учредительное Собраніе*. Понятно, что этого могутъ требовать партіи, которыя желаютъ обратить Россію въ республику или сдѣлать ее ареной для соціалистическихъ опытовъ на живомъ тѣлѣ народа. Но не понятно, какъ этого можетъ желать партія, которая отмежевывается отъ соціалистовъ и заявляетъ, что русскій демосъ,—а вѣдь она идетъ подъ знаменемъ демократіи – не можетъ или не хочетъ обойтись безъ Царя. Но условіе царской и вообще монархической власти есть *непрерывность* власти. *Учредительное* же собраніе есть провозглашеніе народовластія, несовмѣстимаго съ прочной монархіей. Монархія, установленная *учредительнымъ собраніемъ*—чтобы отвести глаза народу — была бы безжизненной тѣнью, неспособной спасти страну отъ безпрерывныхъ покушеній на захватъ власти и отъ анархіи. Но прежде всего надо было бы всѣмъ подумать о томъ, что добиться учредительнаго собранія невозможно безъ чудовищнаго потрясенія всей страны.

Одинъ изъ дѣятелей французской революціи, предостерегая своихъ согражданъ отъ увлеченій, пугалъ ихъ тѣмъ, что они не *удостоятся* даже междоусобной войны, а попадутъ просто въ анархію со всѣми ея ужасами. Россія и безъ *Учредительнаго Собранія* уже переживаетъ одновременно и междоусобную войну

и анархію. А что было бы въ случаѣ провозглашенія *Учредительнаго Собранія!* Неужели конституціонно-демократическая партія мечтаетъ, что, если ей удалось бы захватить власть въ Учредительномъ Собраніи, страна бы ей повиновалась, крестьяне и рабочіе спокойно бы ожидали осуществленія обѣщанныхъ ею благъ, войска сохранили бы дисциплину, уже и теперь сильно подорванную, а европейскіе капиталисты стали бы содержать на свои средства русскую анархію?

Какъ близоруко можетъ быть политическое доктринерство, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ „воззванія“: „А гдѣ живутъ люди нерусскаго племени—взять хоть Польшу или Кавказскій Край, гдѣ изстари у нихъ свои права и обычаи, тамъ надо дать имъ и дальше жить по этимъ правамъ и обычаямъ“. Здѣсь особенно неудачна ссылка на *Кавказскій Край* — въ то время, когда этотъ край уже дошелъ до такой степени анархіи, что былъ, несмотря на присутствіе русской власти, какъ бы совсѣмъ отрѣзанъ отъ Россіи. Всѣмъ извѣстны *права* и обычаи кавказскихъ племенъ до водворенія русскаго владычества—разбой и грабежи, религіозный фанатизмъ и взаимное истребленіе расъ. Все это опять бы сдѣлалось хроническимъ, если бы предоставить кавказцамъ, какъ этого желаетъ конституціонно-демократическая партія, жить по своимъ правамъ и обычаямъ.

Итакъ, вотъ чего хочетъ конституціонно-демократическая партія! Вотъ для чего она добивается власти, вотъ что она готовитъ Россіи! Ясно, что то, чего хочетъ конституціонно-демократическая партія, не полезно и не пригодно для русскаго народа.

Защитникъ свободы.

Адресъ: „Союза 17 Октября“

Москва, Мясницкая, уголъ Златоустинскаго пер., домъ Кузнецова.

